

Третий день отдыха, два часа дня.

Нанаха сидела за письменным столом в своей комнате. Перед ней была разложена не тетрадь с домашним заданием, а сложнейшая магическая схема, от которой кружилась голова: полная структура Звездных цепей. Юно, стоя рядом, указывал когтем на узловые точки на чертеже и объяснял, голос его был полон тревоги.

— Основная проблема здесь, — Юно ткнул в ромбовидную область в центре схемы. — Это точка сбора энергии, а также место с самой высокой нагрузкой. Согласно изначальному проекту, четыре синхронизатора магии должны были стоять по углам, разделяя нагрузку. Но сейчас вас только двое, а это значит, что нагрузка на эту точку удваивается, и вам придется делить её пополам.

— Каждая возьмет на себя двойную долю? — уточнила Нанаха.

— Нет, каждая возьмет на себя объем, рассчитанный на четверых, — Юно вздохнул. — Иными словами, вам обоим предстоит выдержать давление, которое теоретически под силу лишь четверым. И это еще не самое страшное...

Он перепрыгнул на другой лист, где была изображена вложенная схема.

— Массив перестройки мира, который создала Пресия, будет конфликтовать со Звездными цепями. Проще говоря, она спрятала в схеме крючки: как только вы активируете Звездные цепи, её массив автоматически включится и начнет принудительно выкачивать вашу магическую силу.

Нанаха уставилась на переплетение линий и рун, бессознательно потирая знак контракта. Знак слегка нагрелся, словно отвечая на её прикосновение.

— Есть способ взломать это? — спросила она.

— Есть, но нужно время. — Юно вывел третий чертеж. — Если установить подавляющие контрзаклинания в четырех вершинах Звездных цепей, можно временно прервать вмешательство. Проблема в том... что нам нужно проникнуть в лабораторию Пресии и собственноручно начертить символы в нужных местах.

— Значит, придется действовать прямо у неё под носом.

— Не только, — голос Юно стал тише. — Придется сделать это в тот самый момент, когда она активирует Семена камней и запустит массив — когда она будет максимально сосредоточена и одновременно наиболее уязвима.

В комнате воцарилась тишина.

За окном сияло солнце, соседские дети играли во дворе в футбол, и их смех пробивался сквозь стекло. Это звучало невыносимо обыденно.

— Фейт, — позвала Нанаха про себя.

— Я здесь, — ответ пришел быстро. — Изучила чертежи?

— Да. Ситуация хуже, чем мы думали.

— Ожидаемо, — голос Фейт звучал спокойно. — Мать не оставила бы явных лазеек. Но она совершила ошибку.

— Какую?

— Она слишком самоуверенна, — ответила Фейт. — Уверена, что я буду следовать её сценарию, уверена, что ты — лишь пешка. Поэтому все её приготовления основаны на контроле, а не на обороне.

Нанаха поняла:

— Значит, если мы выскользнем из-под её контроля, она окажется бессильна?

— Нет, она придет в ярость и пойдет на крайние меры, — Фейт помолчала. — Но гнев заставит её совершать ошибки. А мы должны этими ошибками воспользоваться.

— Когда?

— Сегодня вечером, — сказала Фейт. — В восемь я пойду в лечебницу на встречу с ней. Будь готова, жди сигнала.

Сердце Нанахи пропустило удар.

— Это слишком опасно! Она наверняка...

— Именно поэтому я должна пойти, — перебила её Фейт. — Я должна своими глазами увидеть, насколько далеко зашла её болезнь. Должна убедиться... осталась ли еще надежда.

В её голосе что-то дрожало, словно подземное течение под толщей льда.

— Если надежда есть — действуем по плану. Если же нет...

Она не договорила. Но Нанаха всё поняла.

Если надежды нет, остается лишь один путь. Путь, по которому никто не хочет идти.

— Я пойду с тобой, — твердо сказала Нанаха.

— Нет, — Фейт отказала категорично. — Ты будешь ждать снаружи. Если я не выйду через два часа или связь по контракту прервется дольше, чем на пять минут...

— ...то ты активируешь экстренный план, берешь все Семена камней и уходишь из города как можно дальше.

Нанаха сжала кулаки до боли, вонзив ногти в ладони.

— Я не уйду, — сказала она.

— Нанаха...

— Я сказала, что не уйду, — голос Нанахи дрожал, но звучал решительно. — Контракт гласит: общая слава и общий позор, общая жизнь и общая смерть. Если ты не выйдешь оттуда — я войду за тобой. А если тебя не станет...

Она глубоко вздохнула:

— ...я уничтожу все Семена камней, чтобы её план провалился навсегда.

На том конце контракта повисло долгое молчание. А потом Фейт рассмеялась. Это не был веселый смех — горький, терпкий, но в то же время удивительно теплый.

— Дурочка.

— Угу, так что даже не пытайся избавиться от меня.

— ...Поняла.

Связь прервалась. Нанаха откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Солнце просвечивало сквозь веки, заливая всё теплым красным светом. Она знала, что после этой ночи этот цвет может смениться другим.

Без десяти восемь вечера.

Лечебница расположилась на склоне холма на окраине города; белое здание в лучах заката казалось огромным надгробием. Фейт стояла у входа, её черная одежда сливалась с наступающей ночью, лишь длинные золотистые волосы слегка колыхались на вечернем ветру.

Она не взяла Бардиш. Она пришла с пустыми руками. Сегодня она пришла не сражаться. Она пришла договариваться.

— Я на месте, — передала она мысленно.

— Я в круглосуточном магазине в трех кварталах, — ответила Нанаха. — В любой момент могу сорваться, мне нужно восемь минут.

— Жди моего сигнала.

— Фейт.

— Да?

— Обязательно выйди.

Фейт не ответила. Она лишь подняла голову, глядя на окно на верхнем этаже лечебницы. Это была палата матери; шторы были задернуты, но горел свет.

Она ждала её. Или, вернее, ждала этого момента.

Фейт толкнула тяжелую стеклянную дверь — в холле пусто. Медсестра на стойке регистрации была занята бумагами и даже не подняла головы. Лифт стоял на верхнем этаже, будто заранее был приготовлен для неё. Всё вокруг было пугающе тихо.

Лифт пополз вверх, цифры сменяли друг друга: один, два, три... последний этаж. Дзынь — двери открылись.

Коридор был длинным, устланным темно-красным ковром, который поглощал звуки шагов, и тишина была такой, что Фейт слышала собственное сердцебиение. Она прошла мимо закрытых дверей и остановилась перед самой большой, в конце коридора.

На табличке значилось: Пресия Тестаросса, палата особого контроля.

Она постучала. Ответа не последовало. Но она знала, что та, кто внутри, обязательно ждет.

Она толкнула дверь.

Палата была огромной, почти как небольшая лаборатория. Различные приборы окружали медицинскую капсулу, установленную в центре, цифры на экранах непрерывно бежали. Воздух был пропитан резким запахом дезинфицирующих средств и магических зелий.

В капсуле Пресия открыла глаза. Те самые янтарные глаза, точь-в-точь как у Фейт, сейчас смотрели на неё, пустые, как два стеклянных шарика.

— Ты пришла, — голос Пресии донесся из динамиков, пройдя через обработку электричеством — холодный, механический. — Опоздала на две минуты.

— Пробки на дороге, — ответила Фейт, голос её был спокоен, будто она говорила о чужих делах.

Пресия улыбнулась. Улыбка вышла искаженной и пугающе прекрасной, словно увядающий цветок в момент своей последней вспышки жизни.

— Прогресс сбора Семян камней? — спросила она.

— Десять штук, — сказала Фейт. — Осталось шесть.

— Слишком медленно. — Пальцы Пресии постучали по внутренней стенке капсулы, издав глухой звук. — Я не могу так долго ждать. Моё время... на исходе.

— Я знаю, — Фейт подошла к капсуле и посмотрела на женщину через стекло. — Поэтому я пришла договариваться.

— Договариваться? — Пресия склонила голову, движения были скованными, точно у марионетки. — Какое право ты имеешь о чем-то торговаться? Фейт Тестаросса, моя дочь, моё творение, моё... орудие.

Каждое слово било по сердцу Фейт, как ледяная игла. Но она не дрогнула и продолжала:

— Я могу ускорить сбор. За три дня соберу все шестнадцать.

— Цена?

— Оставь Нанаху в покое, — сказала Фейт. — Позволь ей уйти, никогда не впутывай её в это.

Пресия замолчала. Данные на экране резко изменились: пульс подскочил с восьмидесяти до ста сорока и тут же упал до шестидесяти.

— Ты... просишь за неё? — в голосе Пресии впервые промелькнули эмоции — не гнев, не удивление, а что-то более сложное, граничащее с любопытством. — Моя Фейт, моё идеальное творение, моё бездушное оружие... ты просишь за девочку, с которой знакома меньше двух месяцев?

— Она не орудие, — голос Фейт наконец дрогнул. — Она... человек.

— Человек? — Пресия разразилась смехом, резким, как скрежет металла. — Что такое человек? Хрупкие, мимолетные, эмоциональные, бесполезные создания. Я дала тебе жизнь, силу, смысл существования, а ты хочешь стать человеком?

Стекло капсулы начало покрываться инеем изнутри.

— Фейт, моя дорогая дочь, — голос Пресии внезапно стал мягким, пугающе мягким. — Ты забыла? В тот день, когда ты родилась, я сказала тебе одну вещь.

Тело Фейт застыло.

— Я сказала: Фейт, твоё существование преследует лишь одну цель — исполнить моё желание. — Пальцы Пресии чертили линии на инее. — Сейчас моё желание — жить. Значит, смысл твоего существования — позволить мне выжить. Понимаешь?

Иней становился всё толще, почти скрывая стекло.

— Что до той девочки... — Пресия улыбнулась. — Она особенная. Чистота магии 99,7%, коэффициент синхронизации с тобой 92%, она буквально создана как топливо для тебя. Так что не волнуйся, я не причиню ей вреда.

Её глаза за инеем светились странным светом.

— Я сделаю её... частью тебя. Навсегда.

Фейт отступила на шаг. Не от страха — от отвращения.

— Нанаха, — позвала она в сознании, голос был пугающе ровным. — План меняется.

— Что случилось?

— Переговоров не будет, — сказала Фейт. — Готовься, через тридцать секунд я уничтожу питание капсулы. Запустится резервное питание всего здания, у тебя будет три минуты, чтобы проникнуть в подвальную лабораторию и начертить первую контрруну.

— А ты?

— Я задержу её.

Фейт подняла руку. Жезла не было, но золотое сияние собралось на её ладони.

Глаза Пресии вспыхнули.

— Наконец-то решилась на бунт, моя дорогая дочь?

— Нет, — сказала Фейт. — Я хочу показать тебе...

Свет взорвался — но не направленный на капсулу, а ударивший прямо в трубу подачи магической энергии под потолком.

— ...кем именно я решила стать.

Свет во всем здании погас одновременно. Включились аварийные лампы, заливая палату тревожным красным светом. И в этом свете в глазах Фейт впервые загорелось настоящее пламя. Не гнев. Решимость.

Изображение застыло на пламени, горящем в глазах Фейт.

Прогресс выполнения:

Наблюдение: 60,0%

Проникновение в лечебницу: начато

Оставшееся время: 36 дней

Семена камней: 6 шт.

Уровень синхронизации двойных звезд: 93%

В пространстве воцарилась мертвая тишина. А потом Мандола рассмеялась первой. Смех был тихим, но полным сарказма.

— Наконец-то, — сказала она. — Пешка сошла с доски, инструмент взял судьбу в свои руки. Самая большая ошибка Пресии в том, что она дала Фейт сердце. Если есть сердце — будешь думать; если будешь думать — начнешь выбирать; а если начнешь выбирать... начнешь сопротивляться.

— Но цена сопротивления, — тихо произнесла Силин, — может оказаться потерей матери навсегда.

— А разве она была матерью? — спросил Шуй Ванцзы. — Тот, кто называет свою дочь творением или инструментом, достоин ли называться матерью?

Веер Янь Цзюэ замер в воздухе:

— Вот почему Фейт хотела убедиться не в том, можно ли спасти мать, а в том, является ли та, что лежит в капсуле, её матерью на самом деле.

Лин Гунчжу закрыла глаза:

— Может, её никогда и не было. Может, с самого момента рождения Фейт Пресия видела в ней лишь инструмент для исполнения желаний.

Ван Мо сжала кулаки:

— Но Фейт всё равно дала ей шанс... последний шанс.

— Поэтому она храбрее нас всех, — сказала Чэнь Сысы. — Зная, что это может быть безнадежно, она всё равно пошла проверить. Зная, что ей может быть больно, она всё равно пошла навстречу.

Ши Ван медленно откинулся на спинку кресла. Он не смотрел на экран, он смотрел на свои руки. Те самые руки, способные уничтожить мир, сейчас сжимались в кулаки и медленно разжимались.

— Вот, значит, — тихо произнес он, словно сам с собой, — каков вес любви. Даже будучи раненным, использованным, превращенным в инструмент...

— ...всё ещё хочешь поверить в последний раз.

— Всё ещё хочешь убедиться в последний раз.

— Всё ещё хочешь...

Он помолчал и закончил фразу:

— ...дать ей последний шанс, и себе — последний шанс.

Изображение сменилось.

Нанаха бежала сквозь темноту, и её Сердце восходящего солнца превратилось в светящийся шар. Она пробиралась по подземным коридорам лечебницы, аварийные лампы на стенах отбрасывали пугающие багровые отсветы. Сердце колотилось быстро, но не от страха. А от того, что по контракту передавались чувства Фейт.

Спокойствие. Решимость. И капля... облегчения.словно с плеч наконец упал тяжелый груз.

— Первая руна готова, — сказала Нанаха про себя, высекая последнюю черту на холодном металле.

— Принято, — ответила Фейт. — Мать запустила резервное питание, но подача основной магической энергии перерезана. Она не продержится долго.

— Тебе нужна помощь?

— Нет. Продолжай задание.

— Фейт.

— Да?

— То, что ты сказала раньше: «показать, кем я решила стать»...

Фейт помолчала несколько секунд, а потом рассмеялась. По-настоящему радостно.

— Я решила, кем стану, уже давно, — ответила она. — Когда ты сказала, что пойдешь со мной, когда сказала, что мы разделим общую судьбу, когда сказала «до завтра». Так что сейчас я просто воплощаю это в жизнь.

Нанаха тоже улыбнулась. Она высекла вторую руну. В темноте подвала, в красном свете аварийных ламп, в тепле, идущем через контракт, она знала — чем бы ни закончилась эта ночь, они не пожалеют. Потому что путь, который они выбрали, они проходят вдвоем. И этот путь с самого начала был обречен на то, чтобы не быть одиноким.

<http://bllate.org/book/21178/2144963>